

Мордовцев Даниил Лукич

Погибель Иерусалима

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Погибель Иерусалима / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
42 с.

ISBN 978-5-519-97421-9

ISBN 978-5-519-97421-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— О, какъ я помню Его глаза! — продолжалъ какъ бы про себя старикъ.—Когда Его привели на дворъ къ первосвященнику Аннѣ, я былъ тутъ-же... Я находился съ прочими, когда Его ночью взяли въ Геоси-манскомъ саду и привели къ Аннѣ... Сталь Его Анна спрашивать о Его ученіи. А Онъ отвѣчаетъ ему: „Я не обвинуся говорилъ къ народу; Я всегда поучалъ его на сонмищахъ и въ храмѣ, гдѣ всегда собираются іудеи, и тайно не говорилъ ничего... Что жъ ты,—говорить,—Меня спрашиваешь? Спроси тѣхъ, которые слушали Меня, что Я говорилъ имъ: они знаютъ, что Я говорилъ“...

— О, Неисповѣдимый!—со стономъ отчаянія прервалъ себя говорившій.—И я—я, проклятый, я ударилъ Его въ щеку!.. Такъ-то Ты,—говорю,—отвѣчаешь первосвященнику!.. О, Всемилосердый!.. А Онъ такъ кротко, съ такою грустью въ дивныхъ глазахъ посмотрѣлъ на меня, и говорить: „Если Я что злое говорилъ,—свидѣтельствуй о злѣ; если-же доброе,—то за что ты Меня бьешь?“

Всѣ съ глубокимъ волненіемъ слушали говорившаго. Казалось, они забыли все: они не видѣли и не слышали, что совершалось тамъ, внизу,—не видѣли ни грозныхъ волнъ легіоновъ, обложившихъ городъ, ни скерканія въ лучахъ вечерняго зарева лѣса копій и римскихъ легіонныхъ орловъ,—не видѣли страшныхъ крестовъ съ распятыми на нихъ, не слышали ихъ ужа-сающихъ воплей и стоновъ.

— На-утро я увидѣлъ Его падающимъ подъ тяжестію креста,—продолжалъ старикъ...—О, Всеблагій!

Послышался глухой стонъ... Многіе вздрогнули... Это застоналъ старикъ съ зажившими язвами на лицѣ...

— О!—глухо воскликнулъ онъ.—Это я вытесалъ для Него такой тяжелый крестъ!.. О, будь проклято желѣзо, которое тесало его... И не усохли преступныя руки, державшія топоръ...

— И я тогда видѣла Его, какъ Онъ упалъ подъ своимъ тяжелымъ крестомъ,—отозвалась пожилая женщина изъ той же группы.—О, какъ я плакала тогда, какъ всѣ мы плакали!... Я тогда была дѣвочкой... Еще наканунѣ утромъ Онъ приласкалъ меня... Мы, Іерусалимскія дѣти, играли утромъ у Овчихъ воротъ, а Онъ шелъ съ Елеонской горы со своими учениками... Мы узнали Его, потому что прежде видѣли... Онъ такъ былъ добръ ко всѣмъ, особенно къ дѣтямъ... Мы и обступили Его... Намъ хотѣлось быть къ Нему ближе—хоть прикоснуться къ краю Его одежды, какъ дѣлали это большіе... А ученики стали отстранять насъ... Онъ тогда поглядѣлъ на насъ Своимъ кроткимъ, божественнымъ взоромъ, и говорить: „Не отгоняйте отъ Меня дѣтей“... Я тогда смѣлѣе подошла къ Нему, и другія дѣвочки, и мальчики тоже... А Онъ положилъ Свою руку на мою голову, а другую руку на голову мальчика, и говорить: „Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ—ихъ есть царство небесное“... О, Владыка неба и земли! Что я тогда почувствовала, когда рука Его погладила мою головку!—что-то божественно-сладостное разлилось по всему моему тѣлу; я вся затрепетала отъ счастья...

Она закрыла лицо руками, вспоминая то, что было почти за сорокъ лѣтъ до этого. Всѣ ждали въ нѣмомъ

молчаніи... Только слышались стоны и вопли, доносившіеся отъ Кедронскаго потока и изъ Іосафатовой долины—отъ распятыхъ тамъ...

— И вотъ на другое утро я увидѣла Его, какъ Онъ упалъ подъ Своимъ крестомъ, — продолжала женщина. Я почти не узнала Его: на лицѣ и на лбу Его видна была засохшая кровь, волосы спутаны... Но глаза—все тѣ же дивные, божественно-кроткіе глаза... О, какъ мы, дѣти, и всѣ женщины плакали, глядя на Него!.. А Онъ посмотрѣлъ на насъ, и говоритъ: „Дочери Іерусалима!—не плачьте обо Мнѣ, а о себѣ плачьте... Скоро наступятъ дни, когда вы скажете: блаженны неплодныя и утробы, которыя не рождали, и сосцы, которые не кормили... Тогда начнутъ говорить горамъ — упадите на насъ, и холмамъ—покройте насъ!“

И женщина зарыдала, обхвативъ голову руками.

— Да, теперь настали эти дни, которые Онъ предрекъ тогда,—сказалъ первый старикъ.—Это—отмщеніе за муки и смерть Его на крестѣ,—показалъ онъ лѣвою рукою на Іерусалимъ:—горы не падаютъ на него, холмы не укрываютъ его... А я за заушеніе Его на другой же день учинилъ себѣ отмщеніе: я плюнулъ нечестивому Аннѣ въ лицо, а самъ, убѣжавъ въ Іерихонъ, упроталъ своего отца отрубить мнѣ преступную руку... Вотъ она!..—И онъ вынулъ изъ-подъ складокъ одежды правую руку: она отрублена была по кисть...—Вотъ она!

Второй старикъ, съ бывшими язвами на лицѣ, продолжалъ качать сѣдою головою въ глубокой тоскѣ.

— Такъ ты, дѣдушка, дѣлалъ для Него крестъ?—

робко спросила его дѣвочка лѣтъ пяти, повидимому дочь пожилой женщины.

— Я, голубка, — уныло отвѣчалъ старикъ. — Только не для Него я тесалъ этотъ крестъ, а для разбойника Вараввы... Я былъ плотникомъ на дворѣ преторіи, и думалъ, что готовлю крестъ для Вараввы; для этого я и выбралъ что ни на есть самое тяжелое дерево... Около сорока лѣтъ назадъ я былъ прокаженнымъ отъ рожденія, — продолжалъ старикъ, обращаясь уже ко всѣмъ. — Мы, прокаженные, прятались въ пещерахъ, какъ дикіе звѣри... Прохожіе изъ жалости бросали намъ издали, чтобы не заразиться, по куску хлѣба, какъ собакамъ... Ужасна была жизнь наша!.. И вотъ, однажды мы видимъ, — идетъ Онъ мимо нашихъ пещеръ... Мы выползли на дорогу. Насъ было десять человѣкъ прокаженныхъ. Стали мы издали и жалостно, съ рыданіями, воскликнули: „Помилуй насъ, равви, помилуй насъ!“.. Онъ посмотрѣлъ на насъ Своими кроткими глазами, и говоритъ: „Идите, покажитесь священникамъ“... Мы пошли — и, о, Предвѣчный!... моментально стала спадать съ насъ ужасная шелуха проказы, язвы затягивались, все тѣло очищалось и обновлялось... И я исцѣлился... Вотъ только немножко знаковъ осталось на лицѣ, а я совсѣмъ здоровъ... И это сдѣлалъ Онъ однимъ словомъ Своимъ... И все же я вытесалъ для Него ужасный крестъ. — О, Предвѣчный!

— Зачѣмъ же, дѣдушка? — снова спросила дѣвочка.

— А такъ, голубка, — со вздохомъ отвѣчалъ старикъ. — Послѣ исцѣленія я воротился въ Іерихонъ, гдѣ у меня были родные... Однажды, передъ праздникомъ

Пасхи, сестра моя, которую я очень любилъ, вмѣстѣ съ знакомыми отправилась въ Іерусалимъ для принесенія жертвы Богу въ Его храмъ. На пути, не далеко отъ пещеръ Адомима, на нихъ напали разбойники вмѣстѣ съ главаремъ своимъ, Вараввою, и не только пограбили ихъ жертвенные динаріи, но нѣкоторыхъ изъ нихъ и убили. Убита была и сестра моя... Впослѣдствіи, однако, разбойниковъ удалось переловить. Схваченъ былъ и Варавва... Я въ то время находился уже въ Іерусалимѣ и служилъ плотникомъ въ преторіи... Вотъ тогда-то и прошла въ городъ вѣсть, что передъ Пасхой будутъ распинать троихъ разбойниковъ, и въ томъ числѣ Варавву... Намъ, плотникамъ, велѣно было вытесать три креста... Тутъ-то я и взялся сдѣлать крестъ для Вараввы, и для этого выбралъ самое тяжелое дерево... О, Предвѣчный!

Старикъ замолчалъ. Начинало темнѣть. Отъ Кедронскаго потока и изъ глубины Іосафатовой долины продолжали доноситься стоны и вопли распятыхъ. Въ станѣ осаждающихъ зажигались огоньки; то тамъ, то здѣсь металлическіе звуки военной трубы прорѣзывали вечерній воздухъ; повременамъ ржали лошади... Но всѣ эти вечерніе звуки, покрывались ужасающими столами распятыхъ и послѣдними воплями испускающихъ духъ страдальцевъ... Въ воздухѣ рѣяли летучія мыши, потревоженные въ своихъ расщелинахъ въ стѣнахъ осажденнаго города.

Въ группѣ сидящихъ на склонѣ Елеонской горы слышны были подавленные стоны и тихій плачъ...

— О, Предвѣчный!.. И я же увидѣлъ Его подѣ этимъ крестомъ...

— Какъ, дѣдушка?—продолжала любопытствовать дѣвочка.

— А такъ, голубка... Вмѣсто трехъ разбойниковъ привели къ Пилату судить—кого-же?—Его! Его, который исцѣлилъ меня и другихъ прокаженныхъ... Это устроили безбожныя первосвященники Анна и Каіафа, изъ зависти къ Нему, по злобѣ... И Его осудили на смерть, и Онъ распятъ былъ на томъ крестѣ, который я вытесалъ для Вараввы...

— А Варавва что жъ, дѣдушка?—допытывалась дѣвочка.

— Да я же тебѣ рассказывала, дочка, что Варавву отпустили Пасхи ради, — вмѣшалась мать дѣвочки.— Распяли вмѣсто Вараввы, Того, Чья божественная рука покоилась когда-то на моей дѣтской головкѣ... И вотъ изъ-за этого пропадаетъ теперь святой городъ нашъ и храмъ Соломона... О, Непостижимый!..

II.

Іерусалимъ, дѣйствительно, погибалъ. Войско Тита послѣ отчаянныхъ, невѣроятныхъ сопротивленій со стороны осажденныхъ, успѣло уже разрушить двѣ внѣшнія стѣны, окружавшія городъ, и, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, подступило къ самому храму, къ его притворамъ и укрѣпленнымъ башнямъ, гдѣ засѣли отчаяннѣйшіе изъ защитниковъ города, воины первосвященниковъ-главарей, Іоанна и Симона.

Осаждаемый все лѣто Іерусалимъ погибалъ отъ голо-

да. За стѣны города выброшено уже было болѣе 600,000 труповъ, погибшихъ голодною смертію... Шестьсотъ тысячъ труповъ—ужасающая цифра!

О другихъ ужасахъ, ниспосланныхъ Провидѣніемъ на обреченный на конечную гибель городъ, говоритъ, между прочимъ, Іосифъ Флавій, іудей, самовидецъ всѣхъ этихъ ужасовъ, раньше этого предводительствовавшій іудеями, сражавшимися противъ римлянъ, а потомъ, видя, что гибель Іудеи неизбежна, покорившійся, непобѣдимому Титу, лишь бы смягчить его гнѣвъ противъ непокорныхъ соотечественниковъ.

Къ концу осады,—говоритъ этотъ самовидецъ,—Титъ, окруживъ городъ осадными валами, отрядилъ часть своей конницы для поисковъ и поимки тѣхъ іудеевъ, которые, не вынося мученій голода, съ отчаяніемъ спускались со стѣнъ въ сосѣдніе овраги, чтобы раздобыть хоть травы для питанія или умереть!.. И вотъ такихъ-то несчастныхъ ежедневно ловили воины и приводили къ Титу по пятисотъ человѣкъ,—и тотчасъ всѣхъ ихъ распинали въ виду стѣнъ Іерусалима!

Титъ хотя и жалѣлъ этихъ несчастныхъ,—говоритъ далѣе Іосифъ Флавій,—несчастныхъ, которыхъ ежедневно къ нему приводили по пятисотъ человѣкъ, а иногда и больше, но, съ другой стороны, онъ считалъ опаснымъ отпускать на свободу людей, взятыхъ въ плѣнъ силой; а если бы онъ хотѣлъ ихъ охранять, то такая масса охраняемыхъ скоро могла бы превратиться въ стражу для своей стражи. Главной же причиной, побуждавшей Тита къ такому образу дѣйствій, была надежда, что видъ казненныхъ склонитъ іудеевъ къ уступчивости, изъ

опасенія, что, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, ихъ всѣхъ постигнетъ такая же участь. Солдаты въ своемъ ожесточеніи и ненависти пригвождали плѣнныхъ, для насмѣшки, въ самыхъ различныхъ направленіяхъ и разнообразныхъ позахъ—поперекъ крестовъ, внизъ головами, распятаго на распятомъ. Число распятыхъ до того возрастало, что не хватало мѣста для крестовъ, и не доставало крестовъ для тѣлъ,—всѣ лѣса вокругъ Іерусалима, уцѣлѣвшіе отъ порубокъ для осадныхъ приспособленій, были вырублены для крестовъ.

Надо замѣтить, что распятіе для іудеевъ было самою позорною казнью, — позорище повѣшенія и побіенія камнями.

А вотъ потрясающія картины голода, рисуемыя тѣмъ же самовидцемъ:

Въ городѣ, между тѣмъ,—говоритъ онъ, — голодъ похищаль неисчислимыя жертвы и причинялъ невыразимыя бѣдствія. Въ отдѣльныхъ домахъ, гдѣ только появлялась тѣнь пищи, гдѣ отыскивался какой-либо отбросокъ хлѣба, горсть немолотаго зерна, все, что можно схватить зубами и жевать, — тотчасъ завязывалась смертельная борьба между своими; лучшіе друзья вступали между собою въ драку, дѣти отнимали у родителей и другъ у друга, родители у дѣтей тѣ жалкія средства, которыя могли хоть на одинъ часъ продлить ихъ мучительное существованіе. Даже умирающихъ не щадили и изъ горла силой выхватывали подобіе чего-либо съѣдобнаго, — кусокъ кожи отъ подошвы сандалій, ремень, подвязывавшій ихъ... А тутъ въ дома врывались обезумѣвшіе отъ голода свои же воины-іудеи:—какъ разбойники, обы-

скивали они даже такихъ, которые лежали уже при послѣднемъ издыханіи, чтобъ убѣдиться, не притворяется ли кто-нибудь изъ нихъ умирающимъ, а все-таки скрываетъ за пазухой что-либо съѣдобное. Съ широко разинутыми ртами, распухшіе отъ голода, они, какъ бѣшенныя собаки, рыскали повсюду, вламывались, какъ опьяненные или бѣсноватые, въ первыя встрѣчныя двери,— съ отчаянія врывались въ одинъ и тотъ же домъ по два, по три раза въ одинъ часъ. Нужда заставляла несчастныхъ все хватать зубами... Даже предметы, негодные для самой нечистоплотной и неразумной твари, они собирали и не гнушались поѣдать. Они поѣдали свои кожаные пояса, обувь, срывали съ своихъ щитовъ кожу и пожирали ее. Другіе жевали остатки уцѣлѣвшаго сѣна...

.....
.....
.....

III.

Божественно-дивная ночь стояла надъ Іерусалимомъ,— надъ этимъ обреченнымъ на гибель священнымъ городомъ нашей планеты. Костры, тлѣвшіе въ римскомъ станѣ, давно потухли. Огоньки, кое-гдѣ мигавшіе въ окнахъ несчастнаго города, также одинъ за другимъ погасли. Только высоко-высоко на темной тверди небесной безмолвно теплились вѣчные огни, съ начала мірозданія проливавшіе свой таинственный, неразгаданный людьми свѣтъ на бѣдную землю. Созвѣздіе Оріона съ Тремя Царями на его поясѣ и Сиріусъ съ его не-

постижимымъ искристымъ свѣтомъ, казалось, въ послѣдній разъ скорбно смотрѣли на обреченный гибели храмъ Іерусалимскій... Съ самаго начала мірозданія они такъ же безмолвно и безучастно смотрѣли на этотъ дивный уголокъ вселенной. Они видѣли, какъ возникалъ этотъ святой городъ. Они видѣли, какъ Авраамъ пасъ тутъ свои стада... Они слышали вопли Агари въ пустынь заіорданской... Они видѣли, какъ праведный Лотъ убѣгалъ изъ обреченныхъ гибели Содомы и Гомморы, и какъ огненное пламя пожирало эти несчастные города, страшнымъ наслѣдіемъ коихъ осталось Мертвое со священной водой море...

Протекали вѣка, тысячелѣтія, „яко день единъ“.

Вѣчные огни неба, въ такую же божественно-дивную ночь, изливаютъ свой таинственный свѣтъ на одинокую фигуру глубоко-скорбнаго Человѣка „въ пустынь“...

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ — очень, очень не много!... Надъ Іерусалимомъ, послѣ бурнаго страшнаго по своимъ послѣдствіямъ дня, стоитъ такая же божественно-дивная ночь... Теперь вѣчные огни неба льютъ свой таинственный свѣтъ на небольшую, голую, точно голый лобъ гору, — на „лобную“ гору и на три водруженные на ней креста... Но тѣль, распятыхъ на крестахъ, уже не видятъ вѣчные огни неба...

Теперь Іерусалимъ осажденъ Титомъ... Божественно-дивная ночь!.. Но и ночь эта не заглушаетъ стоновъ, доносящихся отъ лѣса крестовъ съ распятыми...

Утомленные ужасами дня, группы іудеевъ на склонѣ Елеонской горы давно погружены въ сонъ... Не знаетъ сна только ветхая старость...